

УДК 001.891+81-13

**ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И МОНГОЛЬСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)¹**

Е.Б. Трофимова, У.М. Трофимова

Анализируются методологические проблемы сопоставительного анализа фразеологии разноструктурных языков на фоне языковой онтологии.

Ключевые слова: фразеологизмы; методология; когнитивный; интроспекция; психолингвистический эксперимент; монгольский язык; русский язык.

**THE PROBLEMS OF COMPARATIVE RESEARCH METHODOLOGY
IN PHRASEOLOGY (BASED ON THE MONGOLIAN AND RUSSIAN PHRASEOLOGY)**

E.B. Trofimova, U.M. Trofimova

The methodological problems of the comparative analysis of the phraseology of the difference-structured languages against the background of the language ontology are analyzed.

Keywords: phraseological units; methodology; cognitive; introspection; psycholinguistic experiment; Mongolian; Russian.

Отличие научной деятельности от любой другой состоит в том, что, решая даже сугубо конкретные задачи, исследователь должен учитывать вписанность изучаемого объекта в общее пространство той системы, которой он принадлежит. Фразеологизмы, как и любые другие семантические единицы, связаны с двумя системами – языковой и когнитивной, причем для вторично номинированных образований установление степени участия данных систем из-за процесса перекодировки является особенно значимым.¹

Однако при решении вопросов, касающихся онтологических свойств фразеологизмов, мы наталкиваемся на преграду, которую не так просто преодолеть или обойти. Суть проблемы заключается в том, что до сих пор остается нерешенным вопрос о характере взаимоотношений между языком и сознанием. А.Д. Кошелев выделяет три существующих в когнитивистике подхода к пониманию взаимоотношений между этими составляющими. Согласно первому из них, первичен язык, который в онтогенезе усваива-

ется до формирования концептуального поля в зоне сознания. Во второй парадигме меняется порядок данных систем: концептуальный мир представляется в качестве первичной семантической составляющей, языковой – вторичен. Наконец, существует подход, в соответствии с которым обе системы относительно самостоятельны. Каждая из парадигм имеет своих сторонников [1, с. 15], и все три подхода пока находятся в зоне гипотез.

По мнению А.Е. Кибрика, наиболее обоснованной является парадигма, согласно которой язык формируется на основе когнитивной базы, которая “отражается в зеркале естественных языков”. Главное различие между когнитивным и языковым системно-структурными образованиями состоит в многомерности первой и одно-двумерности второй [2, с. 75]. Такой подход объясняет высокую степень языковой вариативности при отражении одной и той же мыслительной структуры [3, с. 98]. Однако, в свою очередь, вариативность предопределяет наличие в языке, наряду с культурной, природной составляющей, что позволяет отнести его к числу синергетических явлений. Природное начало порождает эволюционные процессы, которые плохо поддаются прогнозу, поскольку в синергетических объектах “возможен не любой путь эволюции, а некоторый спектр этих путей в пределах определенной

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ и Министерства образования, науки, культуры и спорта Монголии, проект 15-2403001 “Стратегии опознавания иноязычных фразеологизмов носителями монгольского и русского языков”.

заданности” [4]. Культурная составляющая, напротив, в большей степени “заботится” о сохранности системной целостности. Консервативность культуры реализуется через систему архетипов, выполняющих интертекстуальную роль и связывающих “национальную семантику прошлого и настоящего” [5]. “Сохраняясь в лексике и фразеологии языка, в фольклоре и эпических произведениях, в народных прескрипциях, архетипы создают культурно-языковое семантическое пространство, которое становится мощным фактором, предопределяющим особенности национальной ментальности и поведение личности” [5]. Такая разнонаправленность процессов, заключенных в природной и культурной составляющих, – явление естественное, не контролируемое и, как правило, даже не осознаваемое обществом.

Сложная организация языка затрудняет отбор методов в тех случаях, когда исследуются явления, не данные в прямом наблюдении. Причем уровень сложности возрастает в межъязыковой перспективе, что обуславливает резкое повышение в последнее время интереса к сопоставительным исследованиям языков разной типологии в функциональном аспекте [6, с. 12].

Наглядной иллюстрацией представленных проблем являются фразеологические единицы, и, соответственно, исследования в области сопоставительной фразеологии. Так, для анализа фразеологической единицы значимым является не столько описание различных факторов (как-то: внутренняя форма, синтаксис, стилистика, актуальное значение единицы), сколько их взаимозависимость. “Современная теория фразеологии уже подошла к такому этапу, когда постановка задачи исследования взаимодействия различных факторов представляется не только осмысленной, но и необходимой” [7, с. 23]. Однако не все факторы являются равнозначными. Наибольший интерес вызывает моделирование связи между внутренней формой и актуальными значениями идиом, иначе говоря “потенциал образа” [7, с. 27]. Синкретизм фразеологизма создает значительные трудности для сопоставления разноязычных единиц. Установление межъязыковой эквивалентности определяется по всему спектру их формальных и семантических характеристик [8, с. 220], причем само понятие эквивалентности различается для системы языка и определенного текста, качественно отличающихся друг от друга [8, с. 227]. На пересечении переводческой и системной эквивалентности находится функциональная, которая и ложится в основу хороших словарей [8, с. 239]. Однако задача сопоставления “потенциала образа” в различных языках, позволяющая описать расстояние между разными концептуальными организациями, фиксирующими один и тот же кусок реальности, на данном этапе развития фразеологии не ставится.

Таким образом, оба направления – функциональное и когнитивное – являются актуальными для современной фразеологии. И если в исследованиях первого подхода большое значение играет интроспекция, позволяющая описать “фокус человеческого сознания говорящего на данный момент” [9], то во втором случае значимым оказывается психолингвистический эксперимент, выявляющий спектр возможных интерпретаций образа.

В лаборатории антропоцентрической типологии языков при АГППУ им. В.М. Шукшина проводятся исследования, направленные на описание факторов, способствующих опознаванию иноязычных фразеологизмов, пословно переведенных на язык участников психолингвистического эксперимента. Наиболее значимые результаты достигаются 1) в зеркальной ситуации, когда носителям различных языков будут предъявлены в пословном переводе параллельно (русским – монгольские, монгольские – русским) иноязычные аналоги (например, *монг. зууний үзүүр орохгүй* (букв. иголки кончик не войдет) – водой не разольешь); 2) в ситуации контрастности языков и культур, как например, использование монгольского и русского языка.

Однако при подборе русско-монгольских аналогов мы столкнулись с целым рядом трудностей. Несмотря на интенсивное развитие монгольской лингвистики в настоящее время, на появление словарей, национального корпуса, область фразеологических исследований остается слабоизученной. Материал русско-монгольского фразеологического словаря Чой Лувсанжав “Орос монгол овормоц хэллэгийн толь” (Улан-Батор, 1970), единственного авторитетного переводного фразеологического источника, не позволяет достоверно оценивать коннотации и значение монгольского фразеологизма – предполагаемого аналога. Соотносимость многих фразеологизмов в словаре представляется сомнительной: *ууры нь барах* (букв. гневу его кончить) *русск.* до белого каления довести – смешиваются образность начинания и завершения; *илүү харж билүү долоох, завиш* (букв. жадно (больше) смотреть, точило лизать) *русск.* влезть в чужой карман – желание и действие; *харахад ойр, хазахад хол* (видится ближе, когда кусаем дальше) *русск.* видит око да зуб неймет – контрастные образы и др. В некоторых случаях монгольский фразеологизм не содержит образной составляющей: *видна птица по полету переводится как хуний сайныг ханилан байж мэднэ, хүлгийн сайныг унан байж мэднэ* (букв. человека хорошего в дружбе узнаем, коня хорошего, когда едем на нем верхом, узнаем); *жить на широкую (большую) ногу – баян амьдрах* (букв. богато жить).

Таким образом, установление фразеологических эквивалентов русского и монгольского языков является трудоемкой процедурой, требующей комплекса методик. Мы учитывали не только

лексикографический и корпусный анализ, но и экспертную оценку фразеологизмов билингвов-лингвистов, а также анкетирование, направленное на характеристику активности фразеологизма в современном узусе [10]. Этап анкетирования позволил решить еще одну проблему: это стратегии восприятия фразеологизмов родного языка. Ядро фразеологии в сознании современной молодежи занимают простые конструкции (словосочетание, сочетание предлога с существительным), культурно не маркированные образы, с ограниченным спектром этических смыслов. Неактуальными с этих позиций оказались фразеологизмы: *тэжээсэн бяруу тэрэг эвдэх* (букв. вскормленный теленок телегу сломает – «о неблагодарности»), *цаасан малгай өмсгөх* (букв. надевать бумажную шапку – «перехваливать»), *наашаа харж инээх, цаашаа харж уйлах* (букв. смотря вперед, смеяться, повернувшись назад, плакать – «смея сквозь слезы»), *дээшээ тэнгэр хол, доошоо газар хатуу* (букв. вверху небо далеко, внизу земля тверда – «между молотом и наковальней»). Веер интерпретаций образуется по метонимическому принципу и является естественным для описания значения фразеологических единиц [11].

В результате проделанного анализа нами был сформирован перечень функциональных аналогов (близких по значению, коннотациям и степени употребительности), которые предьявлялись в послепом переводе иноязычным носителям. Привлечение иноязычных информантов позволяет решить проблему деавтоматизации образного выражения, что инициирует творческую активность испытуемого и смещает перцептивный фокус в зону образности.

Так, мы получаем спектр возможных интерпретаций образа, закрепленного в иноязычной среде. Этот спектр может быть определен в качестве психолингвистических эквивалентов фразеологизма. Например, в качестве аналога к монгольской идиоме кончик иголки не войдет (о крепкой дружбе) были предложены русские фразеологизмы *яблоку негде упасть*, *комар носа не подточит*, *взвалить на плечи*, *как сельдь в бочке*, актуализирующих значения «тесноты», «качественной работы», «трудоемкого дела». Для монгольского словосочетания *измерять метром улицу* (бить баклуши) русскими информантами были предложены выражения *воду в ступе толочь*, *искать иголку в стоге сена*, *черпать воду решетом*, *считать каждую копейку*, *делать из мухи слона* – в качестве вариантов интерпретации значения «непродуктивности действия», «трудоемкости действия», «количественности». Психолингвистические эквиваленты отражают как образное восприятие, так и буквальное (*зүүний үзүүр дээр будаа тогтох шиг*, букв. как ставить рис на кончике иголки (о трудном деле, большом искусстве) – искать иголку стоге сена. Частотность этой реакции обусловлена совпадением лексического компонен-

та, оказавшимся ключевым при интерпретации идиомы. (Проблема хранения и восприятия фразеологических единиц, актуальная для американской психолингвистики 70–80 г., требует иного комплекса методик, однако некоторые способы решения могут быть предложены и в рамках данного проекта.

Установление межъязыковых аналогов является сложной когнитивной операцией, включающей много компонентов, задача эксперимента – эксплицировать их. Поэтому экспериментальная анкета включала несколько вопросов, верифицирующих друг друга: 1. Определите образное значение иноязычного фразеологизма. 2. В какой ситуации можно использовать каждый из фразеологизмов? 3. Имеются ли фразеологизмы с такими же значениями в родном языке? 4. Как оценивается каждый из этих фразеологизмов (хорошо/плохо/нейтрально)?

Например, психолингвистическим аналогом монгольского фразеологизма *ногоон хурганы арьс* (букв. шерсть зеленого теленка) наибольшим количеством информантов названа идиома *белая ворона*. Семантическая и образная модель фразеологизмов в языках совпадают: цвет + зооним, «выделяющийся на фоне остальных». Однако оценка единиц различна, соответственно, различается и фокус актуального значения: монгольский фразеологизм оценивается положительно (о редком, ценном), русский – отрицательно (о непохожем, чужом).

Все реакции анализировались с точки зрения согласованности реакций, полученных от одного человека: например, монгольский фразеологизм *алганы хонхорхой хазах* (букв. укусить ямочку ладони) вызвал следующие реакции на различные вопросы анкеты: 1. «Невозможность что-то сделать». 2. Когда кто-то досадует на невозможность что-то сделать. 3. Кусать локти. 4. Отрицательно. Другой информант дал иные реакции: 1. «Сделать что-то невозможно-сокровенное». 2. Человек удачлив. 3. Достать звезду с неба. 4. Положительно. При всем различии значений и оценок мы видим, что внутри анкеты реакции согласованы, что повышает степень достоверности ответов.

Антропоцентрические эксперименты, из которых наиболее часто используются психолингвистические, а в роли реципиентов привлекаются не специалисты, а рядовые носители языка, нередко порождают сомнение в достоверности результатов. Однако поскольку этот тип экспериментов предназначен для решения таких вопросов, как отражение наивной картины мира в языках, специальные знания скорее могут повредить, чем помочь. Это не означает, что в качестве информантов можно использовать любого носителя. Если мы хотим получить в ходе анкетирования достоверные сведения, нужно вводить определенные ограничения в состав испытуемых. Естественно, что состав ограничений определяется характером эксперимента. Существуют и общие пра-

вила: должна быть внутренняя направленность на желание участвовать в эксперименте; испытуемые не должны испытывать дискомфорт. Эти правила имеют особое значение, когда требуется в процессе выполнения задания прорабатывать разные варианты решения, как в случае с интерпретацией фразеологических образов. Использование в пилотажных экспериментах студентов различных факультетов показало неэффективность такого подхода, впоследствии мы использовали филологов отделений родного языка и литературы. Даже при условии, что экспериментальная анкета включала не более 10 фразеологизмов, время, затрачиваемое на заполнение анкеты, достигало получаса (время не ограничивалось, но временные показатели учитывались).

Достаточно часто, уже в другой плоскости, возникает вопрос относительно количественных данных, получаемых по результатам антропоцентрических экспериментов, связанных с процессами порождения и восприятия носителей языка. В данном случае проблемным признается как количество привлекаемого материала, так и число участников эксперимента. Представленность результатов экспериментов в процентах постепенно уходит в глубокую периферию. Еще в пятидесятые годы прошлого столетия в отечественном гуманитарном сообществе заговорили об отсутствии строгих критериев получения достоверности в общественных науках. В конце пятидесятых – начале шестидесятых в отечественную филологию стали внедряться точные методы: в научно-исследовательских институтах, а также в ведущих вузах на лингвистических факультетах появилась математическая лингвистика. Создание новой дисциплины приветствовалось, но ее функции понимались различно. По мнению, В.А. Успенского, математизация не сводится к выражению явлений в графиках и числах, главное в ней – “создание такого описания явления, которое было бы безупречным с логической точки зрения, а математика выступает здесь в роли оценщика” [12]. Позиция М.И. Шапира в целом совпадает с оценкой В.А. Успенского. Оппонентом выступил А.В. Гладкий, утверждающий, что “законы природы и законы, действующие в гуманитарной сфере, ни в чем существенном не отличаются друг от друга” [13, с. 35]. Безусловно, природные и языковые законы имеют общую составляющую: и те, и другие относятся к синергетическим явлениям. Что же касается гуманитарной сферы, это совокупность наук, связанных с человеком, но не входящих в его природу. Поэтому нельзя приравнивать столь разные сущности друг к другу. Тем не менее, сказанное не означает отказ от точных методов, которые (и здесь можно согласиться с В.А. Успенским) выступают “в роли оценщика”. Однако они не заменяют интроспекцию и психолингвистические эксперименты, обладающие большим

потенциалом в решении самых разнообразных лингвистических задач. Методологический вектор заключается не столько в экспансии точных методов в гуманитарную сферу, сколько в формировании программы исследования, обеспечивающей системную согласованность результатов.

Литература

1. Кошелев А.Д. Об основных парадигмах исследования естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии / А.Д. Кошелев // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 15–40.
2. Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивных структур / А.Е. Кибрик // Вопросы языкознания. 2008. С. 51–77; Алпатов В.М. Что и как изучает языкознание / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. 2015. С. 7–21.
3. Чейф У. Значение и структура языка / У. Чейф. М.: Прогресс, 1975. 432 с.
4. Князева Е.Н. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Вопросы философии. 1992. №12. С. 3–20.
5. Тагаев М.Д. Культурно-языковые архетипы национальной ментальности как регулятивы социального поведения личности / М.Д. Тагаев // Вестник КРСУ. 2017. Т. 17. № 4. С. 164–169.
6. Алпатов В.М. Что и как изучает языкознание / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. 2015. С. 7–21.
7. Баранов А.Н. Принципы семантического описания фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21–34.
8. Добровольский Д.О. Сопоставительная фразеология: межъязыковая эквивалентность и проблема перевода идиом / Д.О. Добровольский // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 219–246.
9. Чейф У. Роль интроспекции, наблюдения и эксперимента в понимании мышления / У. Чейф // Вопросы языкознания. М., 2008. С. 80–88.
10. Трофимова Е.Б. Монгольская фразеология в зеркале межъязыковой образности / Е.Б. Трофимова, У.М. Трофимова, М.С. Власов и др. // Central Asian Journal of Basic and Applied Researches. 2015. № 4. С. 4–18.
11. Трофимова У.М. Фразеологизмы в языковом сознании носителей: на материале монгольской фразеологии / У.М. Трофимова, В. Сайнбаяр // Central Asian Journal of Basic and Applied Researches. 2016. № 6.
12. Шапир М.И. “Тебе числа и меры нет”: о возможностях и границах “точных методов” в гуманитарных науках / М.И. Шапир // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 43–62.
13. Гладкий А.В. О точных и математических методах в лингвистике и других гуманитарных науках / А.В. Гладкий // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 23–38.